

Кто окажется источником накопления для нового исторического рывка?

А.И. Фурсов,
кандидат исторических наук

За последние месяцы я слушаю выступления Г.Г. Малинецкого уже третий или четвертый раз, и с каждым разом они вызывают у меня все больший интерес.

По сегодняшнему выступлению у меня несколько замечаний.

Первое. Вы, Георгий Геннадиевич, говорите о том, что мир-системный анализ (МСА) хорошо объясняет современный мир. Как человек, много работавший с мир-системщиками в совместных проектах и написавший несколько работ о МСА, убежден: этот подход объясняет немало в истории раннего, доиндустриального капитализма, но «работает» только до 1830–1840-х гг., т. е. до возникновения индустриальной системы. Как известно, отец-основатель МСА И. Валлерстайн из запланированных пяти томов написал только три, доведя историю мир-системы до 1830–1840-х гг.

Позднее, уже на индустриальной основе (МСА не работает со структурами производства, в нем главное обмен, поэтому Р. Бреннер назвал подход Валлерстайна «неосмитовским марксизмом»), в «длинные пятидесятые» (1848–1867 гг.) европейская мир-система превратилась в мировую систему, нанеся удары по русской (Крымская война) и китайской (Вторая Опиумная война) мир-системам и в разной степени включив их в себя. В 1980-е гг. мировая система претерпела еще одно изменение, мутировав в глобальную. Таким образом, МСА объясняет лишь детство капитализма и самое начало (1780–

1830-е гг.) современного мира, но никак не современный мир в целом, не говоря уже о сегодняшнем дне.

Второе. Я бы не стал объединять Ивана Грозного, Петра I и Сталина. На мой взгляд, можно поставить в один ряд Ивана Грозного и Иосифа Грозного, хотя в силу объективных и субъективных причин результаты первого менее впечатляют. Петр I провалился практически во всех своих начинаниях. Да, он прорубил окно в Европу, заколотив предварительно дверь.

Должен возразить В.И. Якунину. У Гитлера почти не было **практических** шансов выиграть войну у СССР — это было одной из причин, почему Сталин не верил в сообщения о готовящемся нападении, процентов на 90–95 оно было самоубийственным для фюрера. Например, в 1938 г. доля Германии в мировом производстве составляла 13,2%, а СССР — 17,6%; национальный доход (данные по 1937 г.) — 17 млрд и 19 млрд долл. соответственно (расходы на оборону — 23,5% и 26,4%). Но дело даже не в этом: несопоставимы ресурсный, демографический и, если можно так выразиться, пространственный потенциал. Я уже не говорю о перспективе войны Рейха на два фронта. Теоретически Гитлер мог бы нанести поражение Советскому Союзу при соблюдении трех условий:

- 1) разгром **всей** Красной армии у границы; для этого нужно было, чтобы вся Красная армия была сосредоточена в приграничной зоне и у нее не было бы ни второго, ни третьего эшелонов обороны — именно в этом уверил Гитлера Канарис, работавший с 1939 г. на англичан и своей дезинформацией втравивший Гитлера в войну с СССР;
- 2) захват Рейхом украинской промышленной базы — именно это не позволил сделать Сталин, сконцентрировав войска не на главном направлении удара (группа армий «Центр» через Белоруссию), а для защиты Украины, чтобы дать возможность провести эвакуацию и уничтожить то, что не удастся эвакуировать;

3) победное окончание кампании в конце августа 1941 г. — только блицкриг имел шансы на победу.

Два месяца сопротивления Красной армии, несмотря на жесточайшие поражения, по сути лишили Гитлера даже теоретических шансов на победу. Неслучайно, что уже в августе 1941 г. у берегов Ньюфаундленда на борту американского крейсера «USS Augusta» и британского военного корабля «HMS Prince of Wales» Черчилль и Рузвельт (притом что США еще не вступили в войну) провели секретные встречи и обсудили будущее — после победы — устройство мира («Атлантическая хартия»).

Нападение Гитлера на СССР было акцией отчаяния, спровоцированной британской разведкой, в очередной раз успешно стравившей немцев и русских. При полноте информации, как говорил сам Гитлер и как показывают исследования последних десятилетий, он никогда не рискнул бы напасть на СССР, поскольку соотношение сил было явно не в его пользу. Только в прямом союзе с Великобританией Гитлер мог бы всерьез воевать с СССР. Однако в таком случае на стороне СССР, несомненно, оказались бы США, и мировая война затянулась бы надолго, хотя результаты, скорее всего, были бы плачевными для британцев и немцев. Впрочем, здесь мы вступаем в область неочевидных предположений. Очевидным является то, что шансы на успех у Гитлера были сверхминимальные.

Теперь о более общих вещах. В докладе блестяще показано, что постсоветский социум в значительной мере утратил системные качества. Т.е. по целому ряду важнейших характеристик он обладает качествами не столько системы (система — это объединение, по определению Л.А. Петрушенко, обладающее внешней и внутренней необходимостью по своему существованию и содержанию), сколько объединение (по определению того же автора, объединение — это множество, которое по своему существованию и содержанию обусловлено случайностью, т. е. какой-либо внешней в отношении

этого множества необходимостью). Тому есть вполне политэкономическое объяснение.

Во-первых, нынешняя РФ — элемент мировой системы, причем элемент, главным образом, не определяющий, а определяемый и уж тем более не системообразующий. Во-вторых, социально-экономическую ситуацию РФ характеризует следующее: те процессы, которые в Западной Европе носили диахронный характер, в РФ развиваются синхронно. Речь идет о первоначальном накоплении капитала и о собственно капиталистическом накоплении. В ядре капиталистической системы первоначальное накопление, которое не является капиталистическим, расчищает для последнего почву, нанося удары по докапиталистическим (в Европе — феодальным) формам, выступая их терминатором. На периферии и полупериферии капсистемы в XIX–XX вв. и на постсоветском пространстве в девяностые и «нулевые» годы оба эти процесса сосуществуют, они синхронны. Более того, первоначальное накопление (легальный, полукриминальный и криминальный передел собственности) постоянно подсекает, блокирует здесь капиталистическое, существует за его счет и в ущерб ему. Постоянный передел не позволяет сформироваться здесь не только буржуазному обществу, но организованному обществу вообще. Результат — «общество-каша», не столько социальный космос, сколько социальный хаосмос. Само это состояние используется в качестве орудия управляемого хаоса, что еще более усугубляет ситуацию.

В таких условиях национальной идеи быть не может. Национальная идея — чья? Кто ее субъект? Я с интересом ознакомился с докладом Б.В. Межуева. Полагаю, однако, что «суверенная демократия», о которой он говорит, не имеет отношения ни к национализму, ни к русскости. «Суверенная демократия» — это, как сейчас любят говорить, «месседж», послание представителя одного корпорации-государства другим корпорациям-государствам, свидетельствующее о том, что данное корпорация-государство не собирается бо-

лее утрачивать суверенитет, как это было во времена горбачевщины и ельцинщины.

И последнее — о прогнозах. Сложно прогнозировать, когда общество находится в точке бифуркации, т. е. у него максимум вариантов в рамках некоего коридора возможностей. Отчасти, в прогнозировании нам может помочь история — история систем. Как в свое время заметил А.А. Зиновьев, эволюция крупных сложных систем необратима. Иными словами, анализ логики истории той или иной социальной системы позволяет даже в точке бифуркации сделать некоторые предположения.

В русской истории серьезные качественные (системные) сдвиги происходили тогда, когда социум исчерпывал вещественную субстанцию, проедал наследие прошлого. До сих пор таких переломных, судьбоносных моментов было всего два — 1565 г. и 1929 г.

К середине XVI в. Русь исчерпала ордынско-удельное наследие, прежде всего земельный фонд — не осталось земли, которую можно было раздавать «детям боярским» (дворянам). Чрезвычайная комиссия (ЧК) под названием «опричнина» (она же — эмбрион самодержавия) стала средством решения проблемы перераспределения власти и собственности таким образом, который соответствовал русским национально-государственным интересам.

В 1920-е гг. было окончательно проедено русское дореволюционное наследие — промышленность встала, земельный фонд исчерпан (аграрное перенаселение). Коллективизация и индустриализация стали тем выбором, который не только создал новую систему русской истории, но и совпал с национально-государственными интересами. Оба выбора — опричный и советский — были сделаны в острой внутриэлитной борьбе, по сути — в гражданской войне элит, причем в обоих случаях верх взяли национально-ориентированные группы, группы, ориентированные на центроверх, на сохранение целостности и суверенитета страны.

Советское наследие, вещественная субстанция, оставшаяся от СССР, будет проедена в ближайшие 5–6 лет и где-то в середине «десятых», эдак году в 2017-м — аккурат к столетию Октября — встанет выбор: кто окажется источником накопления для нового исторического рывка, для создания новой социальной системы? Кто — верхушка (часть верхушки) или население? Борьба за выбор, скорее всего, расколет верхушку и вызовет обострение смуты. В таких условиях и может возникнуть новый исторический субъект, способный создать новую национально-ориентированную систему. Способом создания, однако, может быть только борьба — «отец всего».